

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-139-150>

Научная статья / Research article

## Ультиматум Керзона и его влияние на политику СССР в отношении Польши

Сергей Скляр<sup>ORCID</sup>

Московский государственный институт международных отношений (университет)  
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

✉ [redactors@mail.ru](mailto:redactors@mail.ru)

**Аннотация:** Поднимается практически неисследованный ранее вопрос о влиянии на советско-польские отношения предъявленного Советскому Союзу в мае 1923 г. ультиматума Великобритании. Автор приводит новые документы из дипломатической переписки центрального аппарата Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) с полпредством в Польше, которые показывают, что негативный эффект, который вызвал меморандум Керзона в советском руководстве, простирался далеко за сферу советско-британских отношений. Анализируются варианты уступок Варшаве, на которые была готова пойти Москва, чтобы не допустить присоединения Польши к новому антисоветскому фронту. Путем сравнительно-исторического анализа исследуется динамика изменения характера и масштаба этих уступок в зависимости от остроты накала советско-британских отношений. Делается вывод, что меморандум Керзона спровоцировал поворот в политике СССР в отношении Польши, от которого Москва не отказалась в полной мере даже тогда, когда опасения относительно формирования новой антисоветской коалиции были развеяны. Обосновываются также мотивы, по которым советское руководство решило не отказываться от готовности пойти на ряд уступок Польше, несмотря на то что уже в июне 1923 г. угроза новой антисоветской интервенции и участия в ней Варшавы миновала.

**Ключевые слова:** советско-польские отношения, режим наибольшего благоприятствования, транзит в Персию, внешняя политика, дипломатической изоляции

**Для цитирования:** Скляр С.А. Ультиматум Керзона и его влияние на политику СССР в отношении Польши // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 139–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-139-150>

## Curzon's Ultimatum and Its Impact on the USSR Policy Towards Poland

Sergey Sklyarov<sup>ORCID</sup>

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

✉ [redactors@mail.ru](mailto:redactors@mail.ru)

**Abstract:** The author raises the issue that was practically unexplored on the impact of the British ultimatum delivered to the USSR in May 1923 on the relations between Moscow and Warsaw. The author cites new documents from the diplomatic correspondence of the People's Commissariat for Foreign Affairs' central office (NKID) with the Polish embassy which show that the uproar caused by the Curzon memorandum in the Soviet leadership extended far beyond the sphere of Soviet-British relations. There are analyzed the concessions that Moscow was ready to make in order to prevent Poland from joining the new anti-Soviet front. The comparative-historical analysis is used to examine the dynamics of changes in the nature and scale of these concessions depending on the tension in Soviet-British rela-

tions. The conclusion is made that the Curzon memorandum provoked a turn in the Soviet policy towards Poland which Moscow did not fully abandon even when the fears of forming a new anti-Soviet coalition were dispelled. The article also substantiates the reasons why the Soviet leadership decided not to give up its readiness to make a number of concessions to Poland, despite the fact that in June 1923 there was no threat of a new anti-Soviet intervention and Warsaw's participation in it.

**Keywords:** Polish-Soviet relations, most-favored nation treatment, transit to Persia, foreign policy, diplomatic isolation

**For citation:** Sklyarov, Sergey. "Curzon's Ultimatum and Its Impact on the USSR Policy towards Poland." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 139–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-139-150>

## Введение

Исследование польско-советских отношений в начале 20-х гг. XX в., несмотря на достаточно высокую степень их изученности, до сих пор остается в числе наиболее актуальных задач для историков. Это связано как с возросшей в последние годы остротой текущих польско-российских взаимоотношений, многие проблемы в которых тянутся от событий вековой давности, так и с открытием ранее неизвестных фактов и документов, позволяющих по-новому взглянуть на становление и развитие отношений между Польшей и Советским государством в период между двумя мировыми войнами. К одному из до сих пор неисследованных аспектов польско-советских взаимоотношений следует отнести влияние на них предъявленного Москве 8 мая 1923 г. Лондоном меморандума Керзона.

Этот документ занимает одно из ключевых мест в отечественной историографии внешней политики СССР и советско-британских отношений 1920-х гг. Выдвинутые в нем главой Форин-офис Джорджем Натаниэлем Керзоном ультимативные требования стали серьезным испытанием для советского руководства, которое, с одной стороны развернуло жесткую антибританскую кампанию с его осуждением, с другой – пошло на ряд уступок, которые привели к завершению кризиса в отношениях с Лондоном.

Советские историки вслед за официальной пропагандой оценивали исход кризиса в связи с предъявлением меморандума Керзона как победу СССР. Высказывалось мнение, что Керзону «пришлось удовлетвориться уступками по неприципиальным вопросам»<sup>1</sup>. Такие оценки можно встретить во многих работах советского периода<sup>2</sup>. В отдельных публикациях без опоры на документы даже утверждалось, что «провал его агрессивной внешней политики, проводимой по отношению к СССР» сыграл «решающую роль» в поражении лорда Керзона в борьбе за пост премьер-министра Великобритании Стэнли Болдуину, возглавившему британское правительство 22 мая 1923 г. после отставки Эндрю Бонар Лоу<sup>3</sup>.

Долгое время подобные оценки господствовали и в современной российской историографии<sup>4</sup>. Лишь в середине первого десятилетия XXI в. последствия меморандума Керзона были подвергнуты переоценке. Важную роль в этом сыграли исследо-

<sup>1</sup> Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 117–118.

<sup>2</sup> Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925. М., 1947. С. 406–410; Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства (1917–1924 гг.). М., 1954. С. 299–322; Картова Р. Л.Б. Красин – советский дипломат. М., 1962. С. 153; Кремнев Б. Красин. М., 1968. С. 227–229;

<sup>3</sup> История международных отношений и внешней политики СССР 1917–1939 гг. М., 1961. Т. 1. С. 251.

<sup>4</sup> Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002. С. 169; Василенкова О.В. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007. С. 147–152.

вания Е.Ю. Сергеева, который акцентировал внимание на несоответствии заявлений советской пропаганды об официальном отказе СССР выполнять условия меморандума с последующими практическими уступками Москвы Лондону по всем предъявленным требованиям. Свою позицию автор подкрепил телеграммой заместителя нарком иностранных дел М.М. Литвинова заместителю полпреда СССР в Великобритании Я.А. Берзину, в которой отмечалось, что Москва «по всем пунктам» приняла «требования, абсолютно несовместимые с нашим суверенитетом»<sup>5</sup>.

В то же время в зарубежной историографии уступки Советского Союза в ответ на меморандум Керзона изначально расценивались как выполнение Москвой главных требований Лондона, о чем свидетельствуют публикации в тогдашней прессе<sup>6</sup>.

Несмотря на то, что и во времена СССР, и в постсоветский период меморандум Керзона находился в центре внимания многочисленных исследований, до сих пор детально не изучен вопрос его влияния на политику СССР вне советско-британского направления. В частности, не раскрыто влияние Меморандума на польско-советские отношения, в том числе в наиболее обстоятельных работах советского полониста П.Н. Ольшанского и польского исследователя Е. Куманецкого<sup>7</sup>. Не упоминается этот сюжет и в коллективной российско-польской монографии, посвященной острым вопросам польско-советских отношений<sup>8</sup>, что связано с достаточно поздним рассекречиванием архивных материалов по данной теме.

### Меморандум Керзона и ответ на него Москвы Лондону

В меморандуме Лондон, угрожая разрывом заключенного в 1921 г. советско-британского торгового договора, потребовал от СССР ряда действий, ограничивавших суверенитет молодого государства во внешней и внутренней политике.

Москва была обвинена в антибританской деятельности, и Лондон требовал от нее прекратить поддержку национально-освободительных движений на Среднем и Ближнем Востоке, а также в Индии. Предъявив компрометирующие выдержки из перехваченной советской дипломатической переписки с полпредствами в Иране и Афганистане, Великобритания также настаивала на отозвании из этих стран советских полпредов Бориса Шумяцкого и Федора Раскольниковца. Кроме того, Москва должна была отказаться от ареста задержанных за ловлю рыбы вдоль побережья Северного Ледовитого океана британских траулеров, ограничить территориальные воды в этих районах 3-мя милями, не препятствовать за пределами этой зоны британскому рыболовству, освободить арестованные траулеры и выплатить компенсации их владельцам и командам, отказаться от репрессий против духовенства, выплатить компенсации семьям погибших и репрессированных советской властью британских подданных<sup>9</sup>.

В переданной британскому торговому представителю в Москве Роберту Ходжсону 12 мая НКВДом РСФСР ответной ноте отрицались попытки противодействия

<sup>5</sup> Сергеев Е.Ю. Ультиматум Керзона Советской России 1923г.: новая интерпретация // Вестник РГГУ. Серия: политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2015. № 11 (154). С. 97–105; Сергеев Е.Ю. Джордж Натениэль Керзон: последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 252–256.

<sup>6</sup> Britain's dispute with Russia ended; Curzon says the Soviet has complied with his essential conditions // New York Times. 1923. June 14. P. 3.

<sup>7</sup> Ольшанский П.Н. 1) Советско-польские отношения в 1921–1924 гг. // Советское славяноведение, 1972, № 1. С. 21–34; 2) Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. М., 1974; Ольшанский П.Н.; Kumaniecki J. Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim 1918–1943. Wybór dokumentów. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1991.

<sup>8</sup> Białe plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich 1918–2008 / ed. by Adam D. Rotfeld, Anatolij W. Torkunow. Warszawa, 2011.

<sup>9</sup> Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921–1927). Ноты и документы. М., 1927. С. 32–39.

Великобритании на Востоке и выдвигались встречные претензии о подрывной работе Лондона против советской власти в Туркестане и на Кавказе. В ноте также выражалась готовность выплатить компенсации пострадавшим от советской власти британским подданным, если британское правительство выплатит компенсации семьям погибших 26-ти бакинских комиссаров, вина за гибель которых возлагалась на Великобританию. Кроме того, Москва соглашалась освободить арестованные британские траулеры<sup>10</sup>.

Одновременно была развернута пропагандистская кампания, демонстрировавшая советским гражданам и трудящимся других стран решимость Москвы не уступать Великобритании в вопросах, ограничивавших суверенитет. И все же, несмотря на активную антибританскую риторику, в мае – июне 1923 г. СССР предпринял целый ряд шагов, направленных на удовлетворение ультимативных требований Лондона. Фактически Москва в ноте полпреда СССР в Великобритании Л.Б. Красина от 23 мая, ответе советского правительства от 4 июня на меморандум британского МИДа от 29 мая и ответе наркома иностранных дел Г.В. Чичерина от 29 июня пошла на уступки Лондону по всем направлениям, кроме замены полпредов в Персии и Афганистане. Советские власти освободили арестованные английские траулеры, разрешили британцам лов рыбы в прибрежных северных водах вне трехмильной зоны впредь до урегулирования этого вопроса на международной конференции, выплатили компенсации пострадавшим от советской власти англичанам, на время прекратили наиболее громкие процессы против духовенства<sup>11</sup>. Кроме того, официально отказав в мае – июне 1923 г. Лондону в отзыве советских полпредов из Афганистана и Персии, Москва все-таки их отозвала позже: в феврале 1924 г. Ф.Ф. Раскольников, а в апреле 1925 г. – Б.З. Шумяцкого.

### Новая политика в отношении Польши

Рассекреченные в постсоветский период документы Наркомата иностранных дел (НКВД) свидетельствуют о том, что выдвинутый Керзоном ультиматум вызвал настолько большой переполох в Москве, что стал причиной поворота внешней политики СССР на польском направлении. Из хранящихся в фонде секретариата Г.В. Чичерина Архива внешней политики Российской Федерации документов следует, что в мае – июне 1923 г. Москва вопреки своей прежней политике была готова пойти на широкомасштабные уступки Варшаве, только чтобы не допустить формирования нового антисоветского фронта с участием Польши. Такому повороту во многом способствовало утвердившееся в НКВД и Политбюро мнение о подготовке в 1923 г. новой иностранной интервенции против СССР. При этом меморандум Керзона до конца мая рассматривался советским руководством как этап дипломатической подготовки к ее началу.

В марте 1923 г. в НКВД увидели угрозу нового широкомасштабного наступления на советскую власть по периметру ее границ. В письме Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину от 20 марта 1923 г. Г.В. Чичерин сообщал о том, что «надо быть готовыми ко всему» в связи с планами Польши провести в течение весны и лета мобилизацию сразу трех возрастов. В числе других угроз он также выделял «вероятный новый взрыв басмачества», возможное нападение со стороны Маньчжурии, причем сразу трех вероятных противников: правителя трех северо-восточных провинций Китая Чжан Цзолия, маньчжурских белоохранителей и японцев, возможное восстание в Грузии, а также вторжение в Карелию<sup>12</sup>.

<sup>10</sup> Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. 6. С. 288–302.

<sup>11</sup> Англо-советские... С. 40–58.

<sup>12</sup> Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 4.

После того, как 8 мая 1923 г. был получен меморандум Керзона, в Москве укрепились в мнении о возможности новой иностранной интервенции. Стремясь ее не допустить, советское руководство постаралось к концу мая – началу июня не только выполнить ключевые положения ультиматума, но и ослабить предпосылки для создания широкого антисоветского фронта. Потенциальных участников такого фронта было решено заинтересовать экономическими и политическими уступками.

В результате разразившегося в мае в Польше правительственного кризиса к власти там пришло новое правоцентристское правительство Винценты Витоса. В его составе были партии, традиционно ориентировавшиеся на Великобританию, что укрепило в Москве подозрения о возможном участии Варшавы в ожидавшейся интервенции. Одним из поводов для агрессии Польши в то время мог служить срыв советскими республиками выполнения финансово-экономических и имущественных статей Рижского мирного договора. В Москве опасались, что вслед за меморандумом Керзона последует демарш со стороны Варшавы. Член коллегии НКВД Я.С. Ганецкий 25 марта 1923 г. в письме советскому полпреду в Варшаве Л.Л. Оболенскому сообщал:

За последние дни у нас заметна была маленькая паника... пустили слух, что Кноль<sup>13</sup> приезжает с ультиматумом, только его посещение меня, где он спокойно возбудил несколько конкретных вопросов, дало мне возможность убедить публику, что опасения абсолютно излишни<sup>14</sup>.

К концу мая в связи с поражением Керзона в борьбе за пост премьер-министра Великобритании также ослабла паника, вызванная предъявлением британского меморандума.

Однако до того момента, как опасения Москвы по поводу новой интервенции были окончательно развеяны, коллегия НКВД рекомендовала Политбюро ЦК РКП(б) изменить ранее проводимую политику в отношении Польши. Соответствующие предложения были разработаны на состоявшемся 20 мая 1923 г. заседании коллегии НКВД, которое проходило с участием представителей Наркомфина Г.Я. Сокольников, наркомата внешней торговли (НКВТ) – М.И. Фрумкина и П.Л. Войкова, руководившего делегацией РСФСР и УССР на переговорах с Польшей о выполнении условий Рижского мирного договора.

Планировалось активизировать выполнение крайне тяжелых положений финансово-экономической части Рижского мирного договора 1921 г. и предложить Варшаве три варианта погашения долгов. В области торговой политики – «при заключении торгового договора с Польшей предоставить для товаров польского происхождения беспрепятственный транзит в любом направлении». Кроме того, предлагалось предоставить Польше статус наибольшего благоприятствования в торговле, правда, с возможной оговоркой – распространить его на все страны, а также поощрять создание смешанных обществ с польскими промышленниками. Коллегия НКВД также рекомендовала установить льготные ставки таможенных пошлин для польских товаров и увеличить выдачу польским предприятиям советских госзаказов<sup>15</sup>.

Особую позицию на этом заседании занял М.И. Фрумкин, возражавший против предоставления Польше статуса наибольшего благоприятствования в таможенной сфере и свободного транзита на Восток. Со слов Я.С. Ганецкого (в его сообщении в Варшаву Л.Л. Оболенскому), Фрумкин считал, что «транзит явился бы сильной конкуренцией для нашей промышленности, главным образом текстильной»<sup>16</sup>.

<sup>13</sup> Роман Кноль с 16.12.1922 г. по 30.12.1923 г. возглавлял дипломатическое представительство Польши в РСФСР.

<sup>14</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 97.

<sup>15</sup> Там же. П. 213. Д. 52571. Л. 5–6.

<sup>16</sup> Там же. П. 212. Д. 52564. Л. 97.

Отметим, что НКВТ последовательно с 1921 г. выступал против предоставления Польше права транзита на Восток, прежде всего в Персию, в том числе в обмен на свободу транзита через польскую территорию в торговле между советским государством и странами Центральной Европы. Однако до мая 1923 г. основной спор по этому вопросу шел между наркомом внешней торговли Л.Б. Красиным и Л.Л. Оболенским, и победу в нем неизменно одерживал НКВТ. Л.Б. Красин настаивал на том, что транзит на Восток в силу его значимости для Польши можно разрешить только в случае более существенных политических и экономических уступок со стороны Варшавы. В мае 1923 г. против позиции НКВТ по этому вопросу открыто выступили уже коллегия НКИД и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин.

В сопроводительном письме в Политбюро ЦК РКП(б) к этому решению коллегии НКИД от 20 мая Г.В. Чичерин указывал:

Чтобы противодействовать враждебным нам влияниям и привлекать Польшу на нашу сторону, следует заинтересовать польскую промышленности в российском рынке и в восточных рынках при транзите через Совресп. В вопросах о наших выплатах следует дать Польше словесное удовлетворение и некоторый аванс при отсрочке выплат в какой-либо форме<sup>17</sup>.

Столь резкий поворот в отношении Польши, готовность пойти на уступки по целому ряду вопросов, вызвали недоумение у Л.Л. Оболенского, который не видел оснований опасаться в ближайшее время нового нападения Польши на СССР. В письме от 1 июня 1923 г. Я.С. Ганецкий вынужден был пояснять полпреду в Варшаве мотивы смены политики в отношении Польши. Он, в частности, напомнил об ультиматуме Керзона, за которым, по его мнению, крылись попытки создать антисоветский фронт с участием Польши и Франции. Пояснял он и щедрые уступки в вопросах транзита и наибольшего благоприятствования в торговле:

Транзит через Россию мы обязались дать Польше на основании мирного договора, <...> совещание с хозорганами единодушно пришло к заключению, что на ближайшие годы такой транзит не может быть ущербом даже для нашей текстильной промышленности, <...> принцип наибольшего благоприятствования, если мы дадим, то лишь как фикцию, которая нас не связывала бы в других договорах...<sup>18</sup>

В этом же письме Ганецкий перечислил возможные уступки Москвы в политической сфере «против коварных замыслов втянуть Польшу» в борьбу против России. Предполагалось распространить оптацию поляков на Дальневосточную республику, которая в ноябре 1922 г. была присоединена к РСФСР, и дать согласие на открытие в СССР при подписании консульской конвенции консульств Польши в нескольких городах<sup>19</sup>.

### Переоценка возможных уступок

К началу июня 1923 г. опасения по поводу создания нового антисоветского фронта и возможного нападения Польши, похоже, окончательно развеялись. Во всяком случае, самые радикальные варианты ускорения выполнения Рижского мирного договора 1921 г. и предоставления Польше экономических преференций были отвергнуты. В то же время политика Москвы в отношении Польши не вернулась в то русло, в котором она велась до предъявления ультиматума Керзона. Представители НКИД и финансово-хозяйственных органов СССР по-прежнему обсуждали возможные уступки, призванные задобрить Варшаву и не допустить новую агрессию с ее стороны в будущем.

<sup>17</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 7.

<sup>18</sup> Там же. П. 212. Д. 52564. Л. 102–103.

<sup>19</sup> Там же.

В письме от 8 июня 1923 г. И.В. Сталину Г.В. Чичерин сообщал о прошедшем в тот же день новом совещании коллегии НКВД по польскому вопросу с участием наркома финансов Г.Я. Сокольникова, а также М.И. Фрумкина и П.Л. Войкова. В ходе совещания было отклонено предложение Г.Я. Сокольникова выплатить Польше сразу 10 млн золотых рублей в счет погашения долгов по Рижскому мирному договору. Более спокойно прошло также обсуждение вопроса о предоставлении Польше транзита на Восток. Представитель ВСНХ П.А. Богданов доложил о количестве товаров, которые могли быть размещены в Персии и о возможности транзита товаров из Польши в Персию. Выслушав П.А. Богданова и М.И. Фрумкина,

совещание решило, что вывоз из России сахара и бумажной мануфактуры желательнее охранять от конкуренции польского транзита<sup>20</sup>.

В самом постановлении коллегии НКВД от 8 июня 1923 г. предлагалось ввести упомянутые ограничения в отношении транзита сахара и бумажной мануфактуры. В нем также отмечалось, что состояние советской промышленности не дает возможности в отношении главных предметов польского вывоза полностью удовлетворить восточные рынки по доступным ценам товарами советского производства. Это вызывает недовольство на Востоке и «подрывает наше политическое положение». При этом признавалось желательным разрешить транзит польских товаров для «повышения доходности наших железных дорог». В качестве необходимого условия такого транзита выдвигалось требование отмены права Польши ограничивать транзит в СССР через свою территорию товаров из Германии, Австрии и других стран и транзит советских товаров в эти страны. Наркомату путей сообщения предлагалось определить «приемлемые <...> пути транзита с закрытием для него кавказских и кубанских портов». Рекомендовалось также отдать директивы о поощрении создания смешанных обществ с группами польских промышленников<sup>21</sup>.

Несмотря на то, что опасения советского руководства по поводу новой интервенции и участия в ней Варшавы не оправдались, Политбюро ЦК РКП(б) 14 июня 1923 г. утвердило смену курса в отношении Польши. Наибольшее его смягчение должно было произойти на экономическом направлении. Сообщая об этом решении Л.Л. Оболенскому, член коллегии НКВД В.Л. Копп в письме от 15 июня 1923 г. давал пояснения по вопросам транзита:

Польской промышленности необходимы восточные рынки и, прежде всего, транзит в Персию. Ей необходимы сбыт на Кавказ и в Украину. Мы готовы решить эти вопросы путем заключения торгового договора <...>, что касается транзита в Персию, конечно только формально, то мы дадим его для сахара и бумажных тканей, потребовав однако в виде компенсации отказа Польши от права устанавливать ограничения для транзита в Россию с Германией и Австрией<sup>22</sup>.

Учитывая политические взгляды правящего правительства В. Витоса и его тесные связи с крупными промышленными кругами, В.Л. Копп в том же письме писал Л.Л. Оболенскому:

дайте эндекам почувствовать, что мы отлично знаем, что их пребывание у власти в значительной мере обусловлено возможностью добиться дипломатических успехов в сношениях с Россией. Мы дадим эти успехи в наиболее интересующей их области – экономической и ожидаем, что из этой нашей готовности они сделают соответствующие выводы<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 12–13.

<sup>21</sup> Там же. Л. 14–15.

<sup>22</sup> Там же. П. 212. Д. 52564. Л. 108–111.

<sup>23</sup> Там же. Л. 211.

При этом, если в мае 1923 г. главным побудительным мотивом для изменения советской политики в отношении Польши были опасения о возможном военном нападении с ее стороны, то в июне Москва ставила задачи уже не столько военного, сколько экономического и дипломатического характера. Прежде всего ее волновала необходимость добиться от Польши отказа от требований выполнения советским государством экономических статей Рижского мирного договора, а также вопросы признания Варшавой образования СССР<sup>24</sup>.

Переход к новой политике в отношении Польши, выразившийся в попытке «купить» путем экономических уступок и размещения советских заказов благосклонность национальной буржуазии и пролетариата, чтобы через них добиться смягчения антисоветского курса польским правительством, видимо, настолько воодушевил НКВД, что он начал зондировать возможность распространения подобной тактики и на другие страны. В частности, 19 июня в письме Л.Л. Оболенскому В.Л. Копп сообщил со ссылкой на М.И. Фрумкина о намерении НКВД произвести в Польше в ближайшее время крупные закупки угля и котлов, в связи с чем он просил представить данные о безработице в этих отраслях и выяснить, в какие металлургические и угольные фирмы вложен французский капитал<sup>25</sup>.

### Отношение Польской республики к инициативам Москвы

Первая реакция польских дипломатов на новую советскую политику в отношении Польши, включая транзит на Восток, не была особо обнадеживающей. В письме Л.Л. Оболенскому от 28 июня 1923 г. Г.В. Чичерин пересказал беседу с поверенным в делах Польши в РСФСР Р. Кноллем. Польский дипломат в ответ на попытку наркома объяснить выгодность пересмотра и отказа от финансово-экономических положений Рижского мирного договора в обмен на экономические преференции со стороны СССР стал настаивать на скорейшей выплате Польше 30 млн зол. руб. Р. Кноль указал при этом на важность для польского правительства учитывать общественное мнение в Польше относительно выполнения Россией Рижского мирного договора<sup>26</sup>.

Л.В. Копп в конце июня – начале июля отправил Л.Л. Оболенскому несколько писем. Он требовал «вбить полякам в голову две мысли»: о том, что если они будут настаивать на неукоснительном выполнении Москвой Рижского договора, то не получат обещанных экономических выгод в торговле, при этом советская сторона выставит финансовые контрпретензии за ущерб от «набегов польско-петлюровских банд на нашу территорию». Л.В. Копп также запросил у Л.Л. Оболенского какие-либо цифры и сводки, которыми можно было бы подтвердить ущерб от налетов на советскую территорию этих банд<sup>27</sup>.

Отказ Варшавы пересматривать финансово-экономические условия Рижского мирного договора в обмен на экономические преференции вызвал разногласия среди советских дипломатов. В письме Л.Л. Оболенскому от 6 июля 1923 г. Л.В. Копп выразил несогласие с предложением первого секретаря полпредства РСФСР в Польше И.Л. Лоренца,

<sup>24</sup> В 1923 г. вопрос международного признания факта объединения в декабре 1922 г. советских республик в СССР был одним из ключевых во внешней политике Москвы. Польша затягивала признание образования СССР и распространение на него обязательств, заключенных с РСФСР и другими советскими республиками, т.к. не признавала сам факт существования некоторых советских республик, в частности, Грузинской ССР, продолжая поддерживать отношения с прежним меньшевистским правительством Грузии и считая территорию Грузии аннексированной Советской Россией.

<sup>25</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 114.

<sup>26</sup> Там же. Л. 126–129.

<sup>27</sup> Там же. Л. 130–131, 135–136.

чтобы, отодвинув вопрос о Рижском договоре, дать полякам некоторые экономические выгоды и тем купить их благорасположение<sup>28</sup>.

По мнению И.Л. Лоренца, заключив торговый договор, предусматривавший транзит польских товаров на Восток, статус наибольшего благоприятствования в торговле и даже контингенты на поставки товаров, поляки будут молчать о невыполнении Москвой Рижского договора. Л.В. Копп возражал, полагая, что при такой тактике «поляки получают крупнейшие экономические преимущества без всякого эквивалента»<sup>29</sup>, при этом они сохраняют все претензии относительно невыполнения советским государством Рижского договора, которые могут быть пущены в дело в любой момент. Он отмечал:

когда решающие круги Польши поймут, что без ликвидации мирного договора мы не откроем польскому капитализму двери на Восток, наша игра будет выиграна<sup>30</sup>.

По всей видимости, предложения Москвы вызвали определенные колебания и в Варшаве. В письме в Политбюро ЦК РКП(б) от 11 июля 1923 г. В.Л. Копп отчитался о согласии польского правительства вступить в дискуссию об условиях ликвидации советских обязательств перед Польшей по Рижскому мирному договору. К тому моменту, по его оценкам, Варшава требовала уплаты примерно 140 млн зол. руб., в том числе – 30 млн зол. руб. в виде репараций по статье 13 Рижского договора за эксплуатацию польских земель при царизме, 100 млн зол. руб. – за утраченное польскими гражданами в ходе эвакуации в годы Первой мировой войны вглубь Российской империи промышленного имущества и 10 млн зол. руб. – за железнодорожное имущество. Из-за отсутствия надежных юридических оснований и доказательств, а также контрпретензий советской стороны, «сумма которых также может быть сделана весьма значительной», В.Л. Копп предлагал считать реальными претензии только на 50 млн зол. руб., в том числе 30 млн – по статье 13 Рижского договора, 10 млн – за промышленное и 10 млн – за железнодорожное имущество.

Так как по условиям Рижского договора 1 золотой рубль был привязан к 50 польским маркам, а в 1923 г. из-за экономического кризиса в Польше произошла девальвация польской марки, дальнейшая затяжка с выплатами в условиях обесценения польской марки должна была еще больше снижать размер советских долгов Польше. В этих условиях, по расчетам В.Л. Коппа, Польша не должна была серьезно сопротивляться ликвидации Рижского договора, согласившись оценить все долги Москвы уже без привязки к слабеющей польской марке в 20 млн зол. руб. Из них 5 млн зол. руб. Москва должна была уплатить сразу, а оставшуюся сумму – в течение 10 лет с начислением на остаток шести процентов годовых.

Взамен Варшава должна была получить при заключении торгового договора свободу транзита на Восток и наибольшее благоприятствование при установлении таможенных ставок. При этом предлагалось сначала не давать запрашиваемых польской стороной при первых переговорах генеральных лицензий на некоторые товары, так называемых контингентов. В.Л. Копп запрашивал согласия Политбюро на указанные цифры для начала переговоров<sup>31</sup>.

В письме Л.Л. Оболенскому от 13 июля 1923 г. В.Л. Копп сообщил о полученном от Политбюро согласии:

<sup>28</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 138–141.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Там же. П. 213. Д. 52571. Л. 18–19.

...объектом компенсации за отказ Польши от дальнейших претензий должны служить выгоды по торговому, а именно: свободный транзит на Восток и наибольшее благоприятствование<sup>32</sup>.

При этом он отмечал, что польское правительство будет обсуждать эти условия только

после предварительного и очень сильного дипломатического нажима <...> и при нажиме нам нужно будет, в конце концов, увеличить как стоимость всего денежного эквивалента, так в особенности поднять размер немедленного взноса<sup>33</sup>.

В.Л. Копп также писал, что в дальнейшем Москве, видимо, придется пойти на уступки Варшаве в вопросах предоставления ей контингентов для поставок товаров в СССР или более или менее длительных заказов для польской промышленности. Необходимость дальнейших уступок он объяснял тем, что право транзита на Восток Польша и так уже имела по Рижскому договору, а режим наибольшего благоприятствования носил формальный характер, так как без него невозможна была любая торговля с советским государством, установившим монополию на внешнюю торговлю. В качестве самого крайнего аргумента В.Л. Копп советовал очень осторожно использовать на переговорах с министром иностранных дел Польши Марианом Сейдой мнение, что если Варшава не пойдет навстречу в вопросе ликвидации Рижского договора, то прогресса по его исполнению не будет. В.Л. Копп завершал письмо следующей фразой:

Фактически дело сведется к тому, к чему оно сводилось до сих пор, т.е. к самым минимальным платежам с нашей стороны, которые дадут Польше в общем итоге вряд ли больше, чем предложенный нами сейчас аккорд<sup>34</sup>.

Однако начавшиеся переговоры не приносили положительного результата. Варшава отказывалась менять финансовые условия Рижского договора на предложенные Москвой экономические льготы. В ходе состоявшейся 19 июля беседы с Л.Л. Оболенским замминистра иностранных дел Польши Хенрик Страсбургер парировал советские предложения. Он заявил, что из-за разрухи и падения покупательной способности российских крестьян Польша в ближайшем будущем не сможет получить особых выгод от допуска ее товаров на российский рынок «даже в случае предоставления ей <...> самых широких льгот». Подверг сомнению он и выгоды от открытия транзита на Восток «ввиду [плохого] состояния наших транспортных средств», – докладывал в Москву Л.Л. Оболенский. В ходе беседы Х. Страсбургер согласился на паушализацию советских обязательств по статьям XV, XVI и XVII Рижского договора. В то же время в вопросах выплаты 30 млн зол. руб. по XIII статье Рижского мирного договора он отказался идти на какие-либо уступки<sup>35</sup>.

### Результаты нового курса

Как показали дальнейшие события, переход к новому курсу в отношении Польши, несмотря на не совсем удачный первый опыт, оказался вполне оправданным. 13 декабря 1923 г. правительство Польши официально признало СССР. Все последующие годы в Варшаве никогда не обсуждали в практической плоскости планы военного вторжения в Советский Союз, а к середине 1920-х гг. постепенно утратил остроту вопрос невыплаты Москвой части репараций, прописанных в Риж-

<sup>32</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 148–149.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Там же. П. 213. Д. 52570. Л. 31–34.

ском мирном договоре. Польша фактически смирилась с невозможностью добиться от СССР выполнения обязательств на 30 млн зол. руб. в счет экономического вклада Польши в экономику Российской империи. Другие материальные обязательства по Рижскому мирному договору были урегулированы лишь частично в 1924 г. под предлогом отсутствия подтверждавших их размер документов и истечения срока, отведенного в договоре на их выполнение<sup>36</sup>.

В то же время советские заказы плавно росли вплоть до начала 1930-х гг., став важным подспорьем для отдельных предприятий польской металлургической и текстильной промышленности. Если в целом для польской торговли эти заказы не играли большой роли, занимая считанные проценты в товарообороте польского государства, то более весомое значение они оказывали на его внешнеторговый платежный баланс. Пик заказов пришелся на индустриализацию в СССР. В 1930 и 1931 гг. они превысили 128 и 125 млн злотых, а активное сальдо Польши в польско-советской торговле составило тогда более 83 и 89 млн злотых соответственно<sup>37</sup>. При этом Москва так и не разрешила свободный транзит польских товаров в Персию.

### Выводы

Таким образом, предъявление в мае 1923 г. меморандума Керзона усугубило опасения советского руководства и НКВД по поводу возможного создания новой антисоветской коалиции для нападения на СССР и намерений Варшавы присоединиться к ней. Пытаясь воспрепятствовать негативному развитию событий, Москва пошла на серьезные уступки Лондону практически по всем выдвинутым им в меморандуме требованиям. Одновременно советское руководство решило изменить проводимую им политику в отношении Польши. Рассматривались различные варианты уступок Варшаве, прежде всего в экономической сфере. После того, как к началу июня 1923 г. самые худшие предположения советского руководства были развеяны и стало ясно, что Великобритания не готовит новую интервенцию, а Польша не собирается нападать на СССР, в Москве решили не отказываться от сделанных Лондону уступок, а также от внешнеполитического поворота на польском направлении.

При этом изначально, в период наибольших опасений в Москве, чтобы не допустить предъявления Польшей ультиматума и возможного военного нападения с ее стороны, рассматривались варианты выплаты крупных сумм в счет предусмотренных по Рижскому мирному договору репараций, предоставление Польше режима наибольшего благоприятствования во внешней торговле и свободного транзита товаров в Персию, а также размещения советских заказов на потерявших традиционный российский рынок сбыта польских предприятиях. После того как в июне 1923 г. самые пессимистические опасения оказались развеяны, советское руководство не отказалось от смены курса. Новая линия поведения предусматривала уступки Польше в вопросах размещения советских заказов, статуса свободного благоприятствования в торговле и предоставления права ограниченного транзита польских товаров на Восток в обмен на признание СССР и отказ Варшавы от полагавшихся ей по Рижскому мирному договору репараций.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 08.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.01.2023

<sup>36</sup> Ольшанский П.Н. Рижский... С. 160–221.

<sup>37</sup> АВП РФ. Ф. 09. Оп. 8. П. 68. Д. 43. Л. 69–71.

## References

- Karpova, R. L.B. *Krasin sovetskii diplomat* [L.B. Krasin Soviet diplomat]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1962 (in Russian).
- Kremnev, B. *Krasin*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1968 (in Russian).
- Kumaniecki, J. *Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim 1918–1943. Wybór dokumentów* [Relations of the Republic of Poland with the Soviet state 1918–1943. A selection of documents]. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1991 (in Polish).
- Lemin, I.M. *Vneshniaia politika Velikobritanii ot Versalia do Lokarno 1919–1925* [British foreign policy from Versailles to Locarno 1919–1925]. Moscow: OGIZ Publ., 1947 (in Russian).
- Ol'shanskii, P.N. “Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1921–1924 gg. [Soviet-Polish relations in 1921–1924].” *Sovetskoe slavianovedenie*, no. 1 (1972): 21–34 (in Russian).
- Ol'shanskii, P.N. *Rizhskii dogovor i razvitie sovetsko-pol'skikh otnoshenii 1921–1924* [The Treaty of Riga and the development of Soviet-Polish relations 1921–1924]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Rotfeld, Adam D., and Torkunow, Anatolij W. *Biale plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich 1918–2008* [White Spots – Black Spots. Difficult Matters in Polish-Russian Relations 1918–2008]. Warsaw: Polski inst. spraw międzynarodow Publ., 2010 (in Polish).
- Sergeev, E.Yu. “Curzon's Ultimatum to the Soviet Russia in 1923: New Interpretation.” *Vestnik RGGU. Serii: politologiia, istoriia, mezhdunarodnye otnosheniia, zarubezhnoe regionovedenie, vostokovedenie*, no. 11 (2015): 97–105 (in Russian).
- Sergeev, E.Yu. *Dzhordzh Nateniel' Kerzon: poslednii rytsar' Britanskoi imperii* [George Nathaniel Curzon: the last knight of the British Empire]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdani KMK Publ., 2015 (in Russian).
- Shishkin, V.A. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevoliutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revoliutsionnogo 'zapadnichestva' k 'natsional-bol'shevizmu'* [The formation of the foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: from revolutionary ‘Westernism’ to ‘National Bolshevism’]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Dmitrii Bulanin Publ., 2002 (in Russian).
- Truhanovskii, V.G. *Vneshniaia politika Anglii na pervou etapue obshhego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.)* [England's foreign policy in the first phase of the general crisis of capitalism (1918–1939)]. Moscow: IMO Publ., 1962 (in Russian).
- Vasilenkova, O.V. “Anglo-sovetskie otnosheniia v 1918–1924 gg. [Anglo-Soviet relations in 1918–1924].” PhD diss., Vladimir State Pedagogical University, 2007 (in Russian).
- Volkov, F.D. *Krakh angliiskoi politiki interventsii i diplomaticheskoi izoliatsii sovetskogo gosudarstva (1917–1924 gg.)* [The collapse of the British policy of intervention and diplomatic isolation of the Soviet state (1917–1924)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1954 (in Russian).

## Информация об авторе / Information about the author

**Сергей Анатольевич Скляр**ов, канд. истор. наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; redaktors@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5691-4088>

**Sergey A. Sklyarov**, PhD in History, Ass. Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia; redaktors@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5691-4088>